

Владимир Дергачев

Надеждой тешусь...

Владимир Дергачев
Надеждой тешусь...

«Издательские решения»

Дергачев В. Б.

Надеждой тешусь... / В. Б. Дергачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934283-6

Несколько необычная картина жизненного пути молодого специалиста — от НИИ бывшего Союза до наших дней. Разные эпохи, разные поколения, иные ценности. И в итоге — ломка позиций на фоне «арабской весны» в наиболее одиозных своих проявлениях и аллюзий на историю Древнего Египта, где происходят неожиданные события, чем-то напоминающие современные....

ISBN 978-5-44-934283-6

© Дергачев В. Б.
© Издательские решения

Содержание

Надеждой тешусь...	6
Часть первая	7
Глава 1. Дом на окраине Москвы	7
Глава 2. Министерство	16
Глава 3. Диссертация	18
Глава 4. Командировка	21
Глава 5. Новые времена	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Надеждой тешусь...

Владимир Борисович Дергачев

© Владимир Борисович Дергачев, 2018

ISBN 978-5-4493-4283-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Надеждой тешусь...

Повесть

*«Надеждой тешусь,
Порывам нет таланта,
Мой дар натурой скован,
И всё-таки – борюсь.»*
Тауфик Аль-Хаким
Египетский драматург и прозаик

Часть первая Институт

Глава 1. Дом на окраине Москвы

Переехали быстро – за день. И что новое симпатичное здание под голубой крышей с гостиничной планировкой было совершенно не готово принять невесть откуда свалившихся учёных – никто сказать не осмелился. Да и озвучить своё отношение к очередной фантазии руководителя было опасно – а вдруг зайдёт потом твой коллега невзначай к парторгу, да шепнёт пару словечек. Что потом скажут на собрании, утверждающем твою выездную характеристику – неизвестно. Зато задуманное директором получилось на славу – удивить удалось всех, даже видавших виды больших начальников, тоскливо созерцавших Москва-реку из своих безразмерных кабинетов с застеклёнными во всю высоту стен оконными проемами. Удивить, потому что «вопрос» ещё окончательно не устаканился, пока только думали да рядили, и вообще-то можно было и побороться – не каждому хотелось трястись в метро на окраину Москвы, потом на автобусе, и немного пройти по весенней грязи (заасфальтировать дорогу не дошли руки). И ничего, что телефон один на двести человек, а поесть можно и с собой. Но зато теперь – уж точно все скажут: вот молодцы, проявили сознательность, не стали сутяжничать да борьбой подковерной заниматься, даром что учёные. А решил-то кто – сам Константин Иванович и решил, а говорили, что администратор так себе, директором стал только потому, что после международной организации дорога одна, торная... Институт вроде как что-то там пописывает, а вот куда это всё потом девать – непонятно: и так все архивы трещат, курьеры отвозить замучились. Так нет, государственный подход показал, идут за ним люди. Молоток, ещё может.

В принципе, ничего страшного – на «картошке» и не такое бывало, вот только некстати это, министерство всегда под боком было, а теперь оказались на этих выселках – как там «руку на пульсе удержать»?

Зато летом будет хорошо, рядом – канал, пляж при новой гостинице, постепенно и сами поймут, как подфартило, а с питанием и связью наладится – не всё сразу. К тому же ведомственный автобус обещало министерство от метро ближайшего прямо к дверям пустить – вот и творите себе на свежем воздухе, думается здесь лучше, глядишь – и новые направления вырабатывают, а потом и концепцию накапают. Тогда и раскроется весь научный потенциал, засверкает всеми гранями талант кандидатов и будущих докторов, сольётся наконец наука с практикой, даст новый импульс международным связям, да заодно и хозяйственные проблемы в стране помогут своим умственным трудом порешать.

Когда и как возник этот храм науки – определённо сказать не мог никто. В общем задача была вроде ясная: развивать экономическое сотрудничество, искать новые пути, перенимать опыт и прочее, но решение её происходило довольно своеобразно. Сверстанный на год план вроде давал все основания для оптимизма и уверенности в будущем, к отчетности было не придраться, но вот на деле... Раз в три месяца собирались обсуждать чью-нибудь работу, почти готовую к выходу, вот здесь-то и начиналось всё самое любопытное. Словно давно застоявшиеся без кулачных боёв добры молодцы, скинув пиджаки, в течение двух-трёх часов метелили своего коллегу, изоощряясь в русской словесности, критиковали и рекомендовали, делали экскурсии в прошлое и призывали к новаторству, раскрывали тему в новой плоскости и тут же находили изъяны в своих доводах, опровергая только что сделанные выводы. Главная же проблема возникала потом – компьютеров ещё не было, а перегруженное работой машбюро наотрез отка-

зывалось брать в перепечатку уже неоднократно переписанную работу с новой правкой, где сам черт ногу сломит. Времени же оставалось, как обычно, в обрез – два-три дня, и всё должно быть у руководства на столе, иначе – невыполнение плана со всеми вытекающими... Вот и крутись, как хочешь.

Попадали в институт по-разному: по звонку, по рекомендации, а чаще всего – просто как списанный за ненадобностью отработанный материал, которому не нашлось уютного кабинета в соседнем здании, где творилось будущее внешних связей. В противоположность тем, для кого это был путь наверх, молодым и не очень, всё еще не потерявшим надежду на светлое будущее, засидевшиеся в министерстве и списанные в этот отстойник эксперты хотя и не хотели признаться себе, что следующим этапом станет «достойный отдых», но и на карьерный рост рассчитывать оснований не имели. Были здесь и когда-то достаточно высоко парившие птицы – проштрафившийся экономический советник, срочно возвращённый из какой-то захудалой страны после неожиданно вскрывшегося адюльтера с женой собственного шофера, теперь переживал нехоти возникшую паузу среди «перспективных», либо «умудрённых» и ждавших наступления шестого десятка. Застрял на взлёте неплохо до того шедший молодой кандидат наук, ставший жертвой антиалкогольной компании – поехав на стажировку в Китай был возвращён оттуда через три дня. Встреча с друзьями в общепите, проходившая в Пекине за плотно закрытыми дверями, даром не прошла – кто-то видел, как вышедший на улицу после полуночи молодой специалист задел чей-то велосипед. Кто там упал – то ли велосипед, то ли сам кандидат – никто потом особенно не слушал. В посольство быстро доложили, жертва была готова к закланию (да и особо ничего не отрицала – ну, пригубил слегка, и что с того?). Давно заготовленное решение ждало своего часа, вот только отыгаться на чужом кадре оказалось вдвойне приятно, и работа по укреплению дисциплины и борьбе с пьянством проведена, и вроде как свои овцы остались целыми. На проходившем потом в институте собрании хотели пойти дальше – выгнать из комсомола, а это уже – верное увольнение. Но ребята проявили редкую солидарность, взяли на себя ответственность, как говорится – на поруки, обещали помочь, повлиять и так далее. Больше всех гремела начальница того же отдела – как выяснилось, в голове у неё не укладывалось, как может комсомолец взять в руки бокал шампанского, да ещё находясь за рубежом. Кандидата в результате отстояли, но вскоре ушёл сам – не смог пережить предательства руководителя, а сам краснобайству обучен не был.

Некоторых брали по такому великому благу, что о полном несоответствии объявленной им должности боялись говорить даже в курилке. Ирочка, пришедшая с какого-то никому не ведомого заочного курса экономистом, сразу заявила о себе боевым характером. Первое же поручение – отредактировать и подготовить с распечатке работу по сотрудничеству с Индией – было не только завалено, но и долго потом вызывало у посвящённых приступы истерического смеха. А дело было в том, что автор работы решил показать свою грамотность, назвав Индию светской республикой, что было в общем не так уж и важно, но породило желание у молодой корректорши подправить автора. В результате Индия из республики светской превратилось в советскую. Хорошо, что решили перечитать правку, иначе скандала не избежать.

Михаил Иванович Москалёв попал в институт как молодой специалист по распределению – бывали такие случайности, диктуемые государственной политикой по всеобщему трудоустройству. Первая проблема возникла на второй день пребывания в стенах института – принципиальный начальник, увидев небрежно перекинутую через плечо сумку с американским и британским флагами, ледяным тоном порекомендовал в следующий раз подумать о своём моральном облике, иначе в институте Мишке не работать. Не очень-то напуганный подобной страшной, как казалось начальнику, перспективой, молодой кадр решил язвительно уточнить – когда, сразу выгонят, или позже? Ответ был получен незамедлительно – не сразу, сначала – из рядов комсомола, передового отряда, из института потом.

С последним вопрос стоял особенно остро. Разрядка на вступление в ряды «ума, чести и совести нашей эпохи» где-то имелась, но тайна её существования хранилась свято и лакировалась блистательной демагогией о первенстве «самых достойных». Красная корочка считалась счастливым билетом, пропуском в светлое будущее, которое неизменно связывалось с длительной заграничной командировкой. Кандидатом номер один «в члены КПСС» традиционно выступал секретарь комсомольской организации. И хотя нынешний никакими особыми достижениями не блистал, кто станет молодым партийцем, ни у кого сомнений не возникало.

Раз и навсегда заведенный порядок иногда нарушался. Неожиданно возникали кандидатуры, очевидно, активно кем-то проталкиваемые, о невероятных достоинствах которых все узнавали только на обсуждении новоиспеченного «кандидата в члены», когда надо было либо послушно выразить своё одобрение и поддержку, либо оказаться в оппозиции всему институту.

Не имея намерений присоединиться к отряду строителей светлого общества и вообще привыкший смотреть на вещи со значительной долей скептицизма, Москалёв вскоре понял, что если он не примет правил игры, то ближайшие три года обязательной отсидки превратятся для него в ад. Однажды, отказавшись поехать на какой-то субботник, был вынужден долго и нудно разговаривать с парторгом, потом что-то писать со страшным заголовком «Объяснительная», внимая праведному возмущению со стороны коллег и последующим неодобрительным репликам на свои выступления. Поступить так, как сделал один его бывший сокурсник, три месяца демонстративно смотревший в окно, сложив по-ученически руки на столе, он не мог. В будущем Москалёв решил просто не светиться на всех массовых мероприятиях, включая политзанятия и прочее священнодействие, а тихо делать своё дело, ни с кем особенно не вступая в контакт. Не умел и не мог он и лебезить перед руководителями – если некоторым удавалось быстро найти общий язык с начальником, «въехать» во все тонкости бюрократических игр, освоить их изощрённый язык и вскоре начать постепенный карьерный рост, то для него этот способ общения так и оставался своего рода террой инкогнито.

Однако и просто заняться делом, понемногу познавая тонкости нехитрого научного ремесла, не получалось. Наукой как таковой здесь и не пахло: всё, что «на гора» выдавал институт, было не более, чем перепевом зарубежных источников, либо компиляцией статей из западных научных журналов – благо, доступ к ним был неограниченным. Понимание сложившегося положения пришло не сразу, а как-то постепенно. Поразило первое же задание, полученное Москалёвым: написать работу про несуществующую отрасль экономики в одной очень дружественной развивающейся стране, отнесённое бог невесть каким учёным к разряду социалистической ориентации. Задача была явно из разряда фантастических, однако руководитель быстро обосновал необходимость укрепления связей и развития новых форм – процесс, в который немалый вклад должна внести его, Мишкина работа, иначе, как было сказано, нас не поймут... В противном же случае всё должно сложиться хорошо и результат будет оценен очень высоко.

Недоумению Москалёва не было предела, однако деваться было некуда. Следуя советам своих коллег, он решил подойти к неплохому, как ему показалось, специалисту, что и было сделано. Николай Васильевич Босоногов, с непонятно откуда приклеившейся к нему кличкой Байса, слывший кутилой и женским угодником, которого иногда приходилось всем коллективом грузить в такси после очередного общего возлияния, имел несколько невероятных качеств. Первое из них было поразительное умение свести любую проблему на экономическую тему к женскому вопросу – будь то накопление капитала в какой-либо захудалой стране, или расширение металлургического комплекса где-нибудь в Северной Африке. Вывод всегда был неизменным – шерше ля фамм. Вторым качеством было потрясающее умение пробивать себе краткосрочные заграничные командировки, откуда Байса приезжал каждый раз с новым набором анекдотических ситуаций, постоянно складывавшихся на объектах сотрудничества. Пробить такую командировку было непросто даже для работников опекающего их министерства,

где перво-наперво чиновники делали кислую мину и неизменно заводили хорошо опробованную пластинку о нехватке валюты, необходимости экономии, конце года, квартала, месяца и т. д. Лишь через много лет, уже превратившись в матёрого бюрократа, Михаил случайно узнал, каких унижений стоили Байсе эти подачки. Но тогда всё происходящее казалось Москалёву исполненным глубокого смысла, пока не настал его черёд пообщаться с Байсой на научную тему.

Пересказать этот разговор он не сможет никогда, так как на первое же замечание о том, что его интересуют проблемы развития машиностроительной отрасли, Байса затянул такую длинную демагогию на тему индустриализации развивающихся стран, что у Михаила через пять минут закружилась голова, и он впервые понял, что выражение «упасть со стула» имеет под собой вполне реальную почву.

– Извините, наконец-то осмелился он прервать витийствующего кандидата наук, – но хотелось бы поближе к теме, поконкретнее, ведь создание новой, машиностроительной отрасли – это часть процесса индустриализации, надо бы сконцентрироваться на другом аспекте. Вот есть определённая литература, – тут Мишка перечислил несколько книг, которые попались к нему в руки совсем недавно, читать которые ему совсем не хотелось.

– Как Вы считаете, это – стоящее издание, спросил он, протягивая Байсе одно из творений солидного института.

– Стоящее, – ответил Байса, и, перевернув книгу, прочитал её стоимость: Три сорок пять стоит...

– Вы знаете, не выдержал Мишка, – мне кажется, что мы с Вами говорим ни о чём.

Михаил чётко помнит, как в эту секунду в комнате сразу прервались все разговоры, а головы сотрудников, послушно отсиживавших положенные им восемь часов плюс час на обед, повернулись в их сторону.

После короткой паузы, немного очухавшись от подобной наглости со стороны молодого спеца, Байса заявил:

– Ну, если ты не хочешь...

– Не хочу, – твёрдо ответил Москалёв, и ушёл на своё место. Отношения в коллективе с тех пор стали для него напряжёнными, а Байса начал при всяком удобном случае издеваться, причём издёвки носили совершенно непонятный характер, скорее выставляя светоча в довольно неприглядном виде. Солидарность с Москалёвым проявил только один сотрудник, шепнувший в коридоре:

– Ну, ты и лихой парень, самому Байсе ответил, ведь он же с начальником Вась-Вась.

Тем временем знакомство с институтом продолжалось, преподнося всё новые и неожиданные сюрпризы. Тут была и совершенно уникальная личность, о существовании которой Москалёв узнал по раздававшемуся однажды громкому пению. В принципе, это было даже не пение в полном понимании этого слова, а какая-то музыкальная фраза, отрывисто звучащая в коридоре, и сразу обрывавшаяся. Через несколько минут фраза повторилась, и Москалёв решил найти источник почти оперных трелей. Рядом с дверью стояла сотрудница соседнего отдела, сразу куда-то рванувшая при появлении Москалёва. Вышедший следом коллега правильно истолковал смущение, обозначившееся на лице Михаила.

– Это наша, ну как бы тебе сказать, достопримечательность. В общем-то неплохой человек, но иногда на неё что-то такое находит, особенно весной и осенью, и тогда она немного поёт. В это время её лучше не трогать – даже начальник боится. Кстати кандидатша экономических наук, говорят, диссертацию в стихах написала.

– И что, защитила?

– Ну да, я же говорю, кандидат!

М-да, подумал Москалёв, этот диссер бы к её истории болезни подшить, но вслух ничего говорить на сей раз не стал.

В другой раз снизу, с первого этажа, стали доноситься какие-то исступлённые крики. Поначалу казалось, что уже знакомое пение просто перешло в вой, однако и тональность, и характер звучавшего был совершенно иной. Как оказалось, крики происходили из машбюро. Тамошняя начальница, дама бальзаковского возраста, всё ещё претендовавшая на внимание со стороны мужчин, причём безуспешно из-за склочности характера, имела привычку выливать накопившуюся тоску на своих подчинённых, молодых девчонок-машинисток. Все терпели, но вот новенькая, ещё не вникшая в особенности местного колорита, молчать не захотела. И когда королева машбюро заявила ей что-то там про татар, понаехавших в Москву, стажёрка, не долго думая, села писать заявление в кадры и в прокуратуру, что сразу стало известно.

– Я не говорила этого, – визжала начальница, понимая, чем грозит ей проявление великорусского шовинизма, но всё машбюро только одобрительно смотрело на предложения, выводимые молодым кадром на бумаге формата А 4. Тогда начальница пошла ва-банк, и, выхватив у обиженной почти готовое заявление, куда-то умчалась. Увидели её только через две недели, которые она провела на больничном. Тем временем с каждой из машинисток была проведена индивидуальная работа в кабинете у директора, на чём всё и закончилось. Начальница при-смилела, пообещав, что «больше этого не повторится».

Так прошли первые два месяца новоиспечённого экономиста в институте. Друзьями ему обзавестись не удалось, проявлявшая на первых порах интерес Ирочка, дважды сходимшая с ним на обед в соседнее здание министерства, быстро переключилась на очередного нового сотрудника, за которым стояли, как шептались, ого-го какие силы, чуть ли не из Академии Наук. Правда, через неделю выяснилось, что у «молодого, перспективного», есть невеста, после чего Ирочка сразу как-то потухла и попыталась было возобновить начинавшееся знакомство, но Мишка проявил характер, процитировав четверостишие из Омара Хайама, в конце которого прозвучало, что «лучше одному, чем вместе с кем попало». На этом все отношения были закончены.

Отдел, где творили работники умственного труда, возглавлял учёный с невероятно богатым словарным запасом, сочетавшимся со способностью превращения любой ситуации в свою противоположность. Однажды Москалёв был совершенно потрясён мастерским кульбитом, проделанным шефом с обсуждением работы Славки, лица к нему приближённого, где автор, слегка забывший про географию и климатические особенности развивающихся стран, предлагал оказать содействие одной из них в выращивании пшеницы (которая, очевидно, должна была обладать особыми свойствами, так как культивировать её пришлось бы в пустыне). Когда с упоением молотившие своего коллегу сотрудники отдела уже были близки к триумфу, шеф спокойно подвёл итоги, заявив, что в данном случае – вопрос непростой и надо рассматривать высказанное предложение как фигуру умолчания, и потому критика рассматривается им как неуместная. Главное – раз так много сказано о данной работе, то это означает, что имеется предмет для обсуждения, а вот в других трудах он такого повода не находит. А тогда бы, распалялся начальник, и польза была большая, причём для всех. На том всё завершилось, труд был благополучно утверждён, оппоненты посрамлены.

Пришёл шеф из солидного института, где действительно творили науку, но что-то там не заладилось, поговаривали – с самим директором. Но всё это были слухи, которые Михаила интересовали мало, да и к делу отношения не имели. Зато возможности подучиться ремеслу, как ему казалось, должны были появиться.

Всё сложилось несколько иначе, и будь у Москалёва побольше жизненного опыта, он должен был бы понять это намного раньше – сразу после первого оперативного совещания в отделе.

Продолжались эти оперативки невыносимо долго, не менее двух часов кряду, что впоследствии дало повод назвать их «Наумовскими чтениями». Вне зависимости от того, какой вопрос стоял на повестке дня – это могло быть предстоящее заседание Ученого Совета или

любовная лирика Пушкина – длительность совещания была всегда строго фиксированной. Обсуждали планы работы отдела, согласовывали с институтскими, выдвигали новые проекты. Разговоров было много, попытки извлечь из них рациональное зерно были так же бесполезны, как охота на акул в водохранилищах под Москвой. Однако и особого вреда в них не просматривалось – никого, как поначалу казалось, шеф отдела не зажимал, свободу инициативе давал полную, даже настаивал на новаторстве, только вот результат... Попав в отстойник, большинство спокойно пережидало положенные им три года перерыва между двумя командировками, либо подыскивало местечко на стороне. Были и совершенно уникальные сотрудники, приходившие поутру к девятичасовой «проверке» и исчезавшие невесть куда до обеденного перерыва, а иногда и до конца рабочего дня.

Гонения на впавших в особую немилость начинались с всеобщего лёгкого шума, переходившего в приглушенный ропот, который сопровождался тяжёлыми взглядами в спину обреченного. Избранного на заклятие стороной не обходили, некоторые даже демонстрировали искреннее сопереживание, что дело ситуацию ещё более устрашающей.

Апофеоз следовал за вешавшимся у входной двери объявлением, возвещавшим о проведении очередного партсобрании. В конце объявленной повестки дня, третьим пунктом и, как правило, полинявшими чернилами, было как бы невзначай вписано: личное дело такого-то. По наивности не понявший вначале грозного смысла впервые увиденного им текста, Москалёв, не ожидая никакого подвоха, спокойно отправился на первое из собрании, где присутствие всех комсомольцев считалось добровольным.

Услышанное потрясло его. Никакие контр-аргументы жертвы в расчёт не принимались, птичий язык выдавших виды партийцев был цветаст, как краски первомайской демонстрации, а делавшиеся выводы обладали мощью и глубиной последних решений партии. Шансов у наказуемого не было никаких, только чистосердечное раскаяние и полное осознание вины могло смягчить праведный гнев инквизиторов и дать приглашенному на аутодафе последний шанс. Правда, попадались и «кремни», жёстко стоявшие на своём, не уступавшие «ни пяди» и изошрявшиеся в словесной эквилибристике. Бывало это в тех случаях, когда жертва заранее присмотрела себе отходную позицию, а поэтому спокойно мотала нервы уверенным в своей правоте «товарищам», с издевкой комментируя их доводы.

Через некоторое время поучаствовать в гладиаторских игрищах довелось и Москалёву – на первый раз в облегчённой форме, которую он пережил как обязательное лёгкое недомогание после прививки от какой-нибудь африканской болезни. В обед к нему подошёл уже шесть лет безвылазно сидевший в институте научный сотрудник, женатый, не член КПСС, а потому претендовать на длительную заграничную командировку никак не способный.

– Ты знаешь, – дрожащим от волнения голоса начал он, – мне тут предложили.. в общем, будет собрание, где будет рассматриваться моя кандидатура на кандидата в члены. Ты как, поддержишь?

– Легко, можешь не сомневаться.

Казалось, вопрос будет решён просто – Слава был вечно озабочен женскими проблемами, ссорами с многочисленными любовницами и выяснением отношений с ними по телефону. Его доверительные отношения с шефом отдела никого не волновали. Однако, случилось непредвиденное. Как выяснилось уже после собрания, девицы, гордо восседавшие в бухгалтерии, были давними Славкиными приятельницами и очевидно рассчитывали на большее внимание, чем простой телефонный звонок с просьбой поддержать его кандидатуру перед самым собранием. Славка явно просчитался – ему бы вскользь, в шутку упомянуть о собрании где-нибудь в курилке, и всё сложилось бы нормально. Он же решил перестраховаться и сделал это крайне неумело – полуофициально-полуигриво заявил о необходимости присутствия на грядущем сборе, где будет рассматриваться его кандидатура. В общем, нёс по телефону всякую чушь, совершенно забыв о свойстве человеческой природы противиться всему навязываемому

сверху, а именно так всё и было воспринято. Девушки взвились и заняли принципиальную позицию: Славу в кандидаты не пускать. Разгром был полный, выходило, что кандидатура ему не видать ещё года два, а может и больше. Причём в какой-то момент чаша весов чуть было не склонилась в его пользу, но при голосовании все комсомольцы, выступавшие как «за», так и «против», вдруг дружно подняли руки за предложение «отложить», а колебавшегося Москалёва, буквально взяв за рукав, заставили присоединиться к общему хору.

Но Славка не унывал. Шеф задумал новую интригу, решив выдвинуть его на своего зама. Раньше подобный вариант даже бы и не рассматривался, однако новым веянием времени стал закон о трудовых коллективах, внёсший в жизнь много неожиданного и путанного. Закон стал предвестником перестройки, и хотя модное слово ещё не вошло в обиход, но в воздухе витала какая-то новизна, и было ощущение, что вот-вот что-то да грянет.

Начинали появляться кооперативы, многие посматривали на сторону, а потому закон воспринимался как клапан для пара в перегретом чайнике. Теперь начальник должен был утверждаться коллективом после всестороннего обсуждения и рассмотрения его разнообразных качеств. Вот и решили посадить Славу на отдел через новый закон, но опять вышла неувязка. За время после собрания он настолько умудрился испортить со всеми отношения, что стало ясно: жизни не будет никому. Тем не менее, отдел разделился на две части: половина считала, что лучше плохой, но свой, вторая, к которой теперь безоговорочно отнёс себя и Москалёв, была категорически против.

Оперативка на сей раз перекрыла все рекорды по продолжительности – четыре часа кряду с получасовым перерывом. Не повезло больше всех Ирочке, которую заставили писать протокол. После побоища она была вынуждена подходить индивидуально к каждому и просить подписаться под своим выступлением. Иначе протокол не принимался, сыпались обвинения в необъективности и искажении сути проблемы. Победили голоса «против», причём с небольшим перевесом. Среди них был и голос Москалёва.

Всех несогласных вызвали к директору. Константин Иванович долго говорил о праве каждого на свое мнение, о необходимости учёта положения, в котором находится институт, а потом прямо каждому задал вопрос, каковы были мотивы такого решения, не личные ли, и вообще, закон ещё новый, не отработан, да и не обязана администрация учитывать итоги голосования, но вот хотят с ними по-хорошему, потому и вызвали. Ведь Славу на «и.о.» прочили, а это ещё не начальник. Тут и сидевший рядом шеф подал голос – внутреннее кипение выдало заявление про «Глупость, которую сегодня сделали, а завтра поймут и отменят».

Москалёв хотел отмолчаться, но когда уже все вставали, директор, посмотрев на Мишку, попросил высказаться. Москалёв решил:

– И.о., не и.о., а будет он полноценным начальником, уже сейчас себя так ведёт, и явно спешит, а опыта у него нет, только амбиции.

– Спасибо, подвёл итог директор, и, перечёркивая всю проделанную коллективом двухнедельную работу, завершил: – Я понял, значит, будем представлять его кандидатуру на утверждение. Вот так.

Как ни странно, на отношения Москалёва с начальником эта ситуация никак не повлияла. Всё было по-прежнему вежливо, дистанция выдерживалась и герой не терял надежды на научный контакт.

Только была у начальника одна странная, почти болезненная тяга к казуистике, превратившаяся в норму жизни. Если нужной жертвы не оказывалось под рукой, он был готов искать её даже среди лиц к себе приближённых. Самому Москалёву процедуры публичной порки удалось избежать совершенно случайно, и даже можно сказать – против его воли. Всё дело было в так называемых «библиотечных днях». Записавшись в какую-нибудь из московских научных библиотек на целый день, никто не являлся утром на работу, а сразу отправлялся в книжное хранилище, где и начиналась работа со специальной, как любил говорить шеф, литературой.

Оказаться в такой день где-нибудь на пляже или за городом для творцов науки было вполне обычным делом – план работы никого особо не обременял, промежуточными результатами не интересовались.

Москалёв, большой любитель кино, а также всяческих премьер и фестивалей, старался жить полной культурной жизнью, что придавало ему ощущение какой-то минимальной, но всё же сопричастности к происходившему в сфере искусства, особенно «наиважнейшего». Одно из немногих окон в мир, открывавшихся раз в два года и носивших название Московского Международного Кинофестиваля, было для всех глотком если не свободы, то свежего дуновения, ощущения чего-то недостижимого, почти невозможного. Чтобы погрузиться в целлулоидные грёзы, население выстаивало ночи у кино-касс за абонементом, перекупало билеты у спекулянтов, отпрашивалось с работы, брало больничные, в общем, продолжало проявлять изобретательность. Всеобщим недугом тяжело страдал и Москалёв и позволить себе пропустить гремевший на весь мир последний фильм Бертолуччи не мог никак. Отстояв без толку очередь в кассы предварительной продажи и несолоно хлебавши отправившись домой, он рискнул прорваться на утренний киносеанс, где шансов оказаться в зале кинотеатра было побольше. Отписавшись на следующий день в одну из московских библиотек, утром Москалёв уже стоял у окошечка кассы своего любимого кинотеатра, куда ходил с детских лет. Увы, ажиотаж оказался слишком сильным – билеты были выметены загодя, словно по Москве прошёл тропический тайфун. С тоской глядя на спешивших ко входу счастливых с билетами в руках, Михаил понуро поплёлся в «Ленинку» – благо, она была рядом, всего-то через мост и перейти. В библиотеке несказанно удивились раннему читателю, книги принесли быстро, но ничего по теме не находилось. Поэтому через час он уже сидел в периодике, но, едва взяв в руки любимые английские журналы, увидел спешащую к нему между рядов старых столов читального зала Ирочку.

– Слава богу, ты здесь. Тебя шеф ищет, по всем библиотекам гонцов разослал. Позвони ему, что-то там срочно понадобилось.

Зачем он понадобился шефу – Москалёв так никогда и не узнал. Набрав номер начальника кабинета, он, вместо мягкого баритона Наумова услышал невесть как оказавшегося там Славку, который сообщил, что да, его ищут, но шефа сегодня не будет, а посмотреть надо планы интеграционного сотрудничества и последние, на конец года, статистические результаты.

Что такие планы имеются, Москалёв прекрасно знал. Знал он и то, что все они хранятся у них в институтской библиотеке, и уж никак не в «Ленинке», не говоря уже о статистике за последний год. Отставание статистических данных всегда составляло два-три года и действительно было большой проблемой, о чём начальник не знать не мог ввиду своей достаточно высокой квалификации, что никто и не отрицал.. Значит, его подлавливали. Ну что же, «судьба Евгения хранила», подумал Москалёв, и сообщил Ирочке, что свой контрольный звонок он сделал и что шеф уже уехал, очевидно – на целый день. Обрадованное полученной информацией, юное дарование сразу упорхнуло в неизвестном направлении (как и остальные посылные, направленные в другие библиотеки), так что всё обошлось, дисциплинарные ритуалы были соблюдены. Подстава отменялась, буря прошла стороной.

А вот для Байсы всё кончилось плачевно. Продолжавший безумствовать под влиянием развернувшейся в стране дисциплинарной кампании, Наумов впал в такой раж, что наверное не пожалел бы и отца, попадись тот ему под руку. Огорченный отрицательным результатом и явно недоумевавший, как Москалёву удалось выкрутиться из блестяще расставленных ловушек, Наумов решил сделать новый заход, и на сей раз удобным объектом оказался Байса. Отписавшись в какое-то никому неведомое электрическое агентство, учёный муж поехал к своей давней подруге, о существовании которой не знала только его жена, и в контрольный час не был обнаружен в указанной им точке Москвы. Переоценив значимость своих личных контактов

с шефом, он явно не был готов к последующим событиям. На срочно созванном собрании отдела каждый выступил со своим пониманием и оценкой этого «безобразного поступка», приведшего к растрате государственного времени и разбазариванию финансовых и иных ресурсов. Выговор был обеспечен, ни о какой загранице на ближайший год и речи быть не могло. О состоявшемся избиении Москалёв узнал пост-фактум, так как всю неделю провалялся с ангиной. Однако и после собрания он не мог сказать, как бы поступил, спроси его мнение о «безобразном акте подлога» – проявил бы благородство и великодушие философа, взирающего с внутренней усмешкой на витийствующую публику, или, закатав рукава, размазал бы со всей дурацкой, произнеся пару убойных формулировок. Одно было ясно – Байса был уничтожен: он сразу как-то сник, заискивающе поглядывал на окружающих, в тональности стало больше минора. Уже через много лет они встретились в здании министерства. Байса сильно исхудал. Оба сделали вид, что незнакомы.

Глава 2. Министерство

В соседнем здании сталинской постройки, своей фундаментальностью вызывавшем в воображении непосвящённых какие-то кафкианские мотивы, шла неспешная работа. Здесь, как представлялось Москалёву, вершилось великое экономическое таинство. Чопорные творцы будущих энергетических, металлургических, сельскохозяйственных и иных комплексов в строгих тёмных костюмах из английской шерсти казались неприступными, как Великая Китайская стена. Но именно из-под их пера, как из рога изобилия, вылетали концепции и стратегии, обзоры и справки, предложения и аналитические записки, на основе которых строилась будущность довольно значительной части мировой экономики. Эти вершины представлялись Москалёву недостижимыми образцами сплава аналитической мысли и практической деятельности, сверкавшими вдали как покрытый вечными снегами пик Коммунизма.

Заместитель начальника отдела стратегического планирования и развития министерства Иван Николаевич Клещёв дочитал утреннюю газету и, потянувшись, посмотрел на экран новенького компьютера. На дисплее был выведен циферблат японских часов с секундной стрелкой, своим бесконечным круговым пробегом вносящей какое-то оживление в размеренный ритм трудового дня. Ну вот, подумал он, скоро, слава богу, обед, а потом можно и позвонить друзьям по академии. Беседа с бывшими слушателями-выпускниками Академии неизменно приносила ему чувство глубокого внутреннего удовлетворения и ощущение того, что он находится на самом острие событий. Своей сильной стороной он считал наличие всегда свежей информации о грядущих кадровых перестановках, выдвижении новых кандидатур на открывавшиеся вакансии, причинах задержек с оформлением и так далее. Вечная круговерть сплетен не оставляла времени на прочтение бесконечным потоком сыпавшихся материалов, которые он умел просматривать по диагонали и накладывать краткие резолюции типа: «Пр. пер», что означало «Прошу переговорить», или «В. пред», – расшифровавшееся как «Ваши предложения». Освоить компьютер тоже не было времени, потому и висели на единственном на весь этаж чуде японской техники виртуальные часы, скрашивавшие томительное одиночество рабочего дня. Самое сложное было высидеть последние два часа, когда уже и в сон не так клонит, как после обеда, и дел вроде никаких не осталось.

Неожиданно раздавшийся громкий звонок внутриминистерской связи прервал эйфорию. Звонил замминистра, бывший военный, человек прямой, отношения с которым у Клещёва как-то сразу не заладились.

– Ну что, – раздался по-военному требовательный голос зампреда, – что... там... где материалы по Кубе, и вообще, кто-нибудь следит у Вас... там за исполнительской дисциплиной?

Мат в устах крупного руководителя даже не воспринимался в качестве брани, это был нормальный стиль общения с подчинёнными, где нецензурные выражения рассматривались всеми как связки слов или, на худой конец, предлоги.

– Извините, но кому Вы поручали готовить материалы, – осмелился спросить Иван Николаевич, о чём тут же пожалел.

– Вы там... что, спите, что ли, не знаете, кто чем занимается? Да мне... через час надо на Старую площадь с докладом, уже... по вертушке звонили! Вы владеете вопросом или нет?

– В целом – да, – заикаясь, ответил Клещёв, но Кубой у нас занимается другое подразделение, я же...

– Нам не нужны в министерстве люди, знающие в целом, нам нужны компетентные специалисты. Жду материалы через десять минут, – проорала трубка, за чем последовали короткие гудки.

Вот сволочь, весь обед испортил, подумал, вскакивая с удобного кресла, Клещёв, и сразу рванул в столовую. Только там он мог ещё успеть поймать сотрудника из сводной группы, занимавшегося этим регионом. «Сводник» напрямую ему не подчинялся, но в данной ситуации это уже было не важно – искать второго зама, чтобы соблюсти субординацию, не было времени.

А время истекало, сердце глухо стучало, виски вдруг сдавило, а на лбу у Ивана Николаевича выступила хорошо ему знакомая испарина, говорившая о том, что почва начинает уходить из-под ног. Мигом взлетев на 9-й этаж, где находилась министерская столовая, он к своему великому облегчению увидел того самого исполнителя, из-за которого и разгорелся весь сыр-бор. К счастью, он ещё не успел подойти к кассе и заплатить за обед, иначе вытащить спеца из столовой не было бы никакой возможности. Быстро объяснив тому ситуацию, Иван Николаевич не был особенно изумлён, когда услышал в ответ, что все документы уже с утра находятся в приёмной у замминистра, и что он лично докладывал об этом своему непосредственному начальнику.

Складывавшаяся ситуация была вполне закономерной: все знали свойство зарвавшегося руководителя мгновенно забывать сказанное как им, так и ему, а также терять материалы прямо на своём столе. Поэтому главной задачей лиц подчинённых было вручить заму документ в самый последний момент, в нужном месте и в нужное время, что представляло собой особое искусство. Очевидно, секретарша либо придерживала документацию до момента выезда своего шефа на столь важную встречу, либо последний просто забыл, где они лежали. Оставалось позвонить милойшей Клавдии Ивановне и напомнить о прозвучавшем пожелании. Главное же должно было произойти потом – как правило, вернувшись со Старой Площади, начальствующий оратор, развалившись в кресле, долго рассказывал о состоявшейся беседе с одним из кураторов министерства в ЦК, расписывая свой талант повернуть разговор в выгодном направлении. Какая стояла за этим всеобщая нервогрёпка, знало всё министерство.

Глава 3. Диссертация

Привычная атмосфера института была нарушаема редко, и потому появление новой симпатичной сотрудницы, только что покинувшей стены одного из московских вузов, вызвало что-то вроде лёгкого листопада, прошелестевшего по коридорам нового здания института. Лена Голубева была не просто привлекательна – в ней, казалось, сочеталась доброжелательность и ум, столь редкие среди людей этого круга. Что за круг – Москалёв знал хорошо, поскольку заканчивали они один и тот же вуз, только Лена была на год моложе. Иногда, сталкиваясь в стенах старого здания постройки 18-го века, они приветливо кивали друг другу, а позже оказались в одной группе сдававших экзамен по научному коммунизму, результаты которого зачитывались в кандидатский минимум. Вся разница была в том, что по окончании вуза Лена быстро поступила в заочную аспирантуру и теперь ей надо было где-то осесть и дожидаться своей очереди на защиту, в то время как Москалёв ещё подумывал о прикреплении и теме, для раскрытия которой можно было бы использовать институтскую библиотеку и рабочее время.

На первых порах Москалёву пришлось взять опеку над новенькой на себя, что было вполне естественным ввиду их давнего знакомства, но немедленно вызвало массу пересуд в среде молодых учёных. Поездки на обед и прогулки по берегу водохранилища воспринимались в институтской среде как начало нового романа, которых здесь и так хватало. Всем было известно, что Лена замужем и что-то там не склеивается, но на Москалёва, ещё не лишившегося определённых иллюзий относительно неприкасаемости замужней женщины, сплетни не оказывали никакого влияния. Рассматривая Лену как коллегу, которую надо ввести в курс дела, он, как мог, доходчиво разъяснял расстановку сил и своё видение смысла данного заведения. На прогулках они часто делились воспоминаниями об институте и бывших однокурсниках, которых раскидало по разным уголкам страны. Поэтому приглашение Лены сходить однажды в кино на неделю английского фильма, сделанное в присутствии доброй половины сектора и его непосредственного начальника, он воспринял абсолютно естественно, зная из ее рассказов о понятной для него тяге к этому виду искусства.

Была пятница, в кино они, естественно, не попали, и, пожелав друг другу хорошего уик-энда, разошлись по домам. Случившееся дальше заставило Москалёва иначе оценить восприятие своих прогулок с новенькой и возможных последствий распространявшихся слухов.

Итак, придя утром на работу, он неожиданно обнаружил насупившегося Николая, который необычно рано сидел за своим рабочим местом у стола и что-то перелистывал.

– Ну как, в кино ходили? – вдруг, не поднимая головы, спросил начальник сектора.

Москалёв сразу понял, как много стоит за этим вопросом и сколько воскресных переживаний он доставил Николаю, недавно назначенному на место, планировавшееся для Славки. Так унизить себя мог только всерьёз «въехавший» в девчонку парень, хотя «парню» было далеко за тридцать и имевшаяся жена с двумя детьми должна была, по представлению Москалёва, занимать большую часть его времени и мыслей.

– Нет, – честно ответил Москалёв, я в другое кино пошёл. И, подумав, добавил:

– Я вообще один в кино не хожу.

Фразу можно было воспринять по-разному – и как то, что Москалёву есть с кем встречаться, и что приглашение Лены было принято как нежелание находиться одному в кинозале. Но главное – это не звучало, как оправдание, что было очень важно, и Москалёв очень порадовался неожиданно найденной формулировке, единственно верной в данной ситуации.

– Это правильно, усмехнулся шеф. Я тоже.

Итак, напряжение было снято, причём Мишке даже не пришлось врать и что-то выдумывать, благодаря чему его ответ оказался таким простыми и естественно достоверными.

Зато на следующее приглашение Лены поехать к ней на дачу он ответил твёрдым отказом, четко оценивая неизбежные разнообразные последствия.

Между тем атмосфера в институте стала как-то незаметно меняться. Первые сигналы перестройки, поступавшие откуда-то сверху, не давали покоя многим – и не потому, что предвещали неизбежность серьёзных перемен, а потому, что имели вид закодированных символов, почти иероглифов, которые надо было правильно расшифровать, и, не дай бог, не ошибиться.

Для сотрудников настали непростые времена. Надо было точно знать настроения начальства, не переборщить, но и не отсиживаться в тени. По коридорам вновь прокатился легкий шум. В целом ничего не менялось, только собрания стали длиннее, а на политзанятиях задавались такие вопросы, что дискуссии затягивались до полуночи. Как повернётся ситуация дальше – никто не знал, и даже секретарь комсомольской организации стал задумываться о своём будущем.

Тем временем Москалёв решил всерьёз заняться наукой. Времени было предостаточно, тему он наконец придумал, прикрепившись к аспирантуре родного вуза. Руководителем виделся один из докторов наук, к которому иногда удавалось попасть на лекции, отличавшиеся, как казалось, нетрадиционностью подходов и свежестью взглядов. Согласие было получено, но в последнюю минуту что-то там не склеилось, и всё пришлось менять. Тогда Москалёв сильно переживал, ещё не зная, какие неожиданности ждут его на научном поприще. В итоге новым опекуном стал тоже доктор, но не экономист, а историк, милейший и интеллигентнейший человек, общение с которым доставляло Михаилу истинное удовольствие.

Первая проблема возникла совершенно неожиданно. Не оставив надежды поучиться у шефа научному ремеслу, в котором он был не меньшим специалистом, чем в административном словоблудии, и ни разу не столкнувшись с ним на бюрократическом ристалище, Москалёв поделился с Наумовым своими планами в надежде на методическое содействие. Казалось, поддержка должна ему быть обеспечена.

Какого же было его удивление, когда, узнав название избранной соискателем темы, шеф вдруг заявил, что институт будет категорически против постановки научной задачи в подобном ключе и последующей защиты диссертации. Аргументация была по меньшей мере странновата – задуманная работа относилась к разряду фундаментальных исследований, а «мы – практики, должны быть ближе к земле, соответственно и работа должна носить прикладной характер». Возражения Москалёва в расчёт не принимались, объединять науку с практикой была первейшая задача, стоящая перед институтом.

Изменить тему Москалёв не мог никак – это было бы чем-то вроде повторного прикрепления к аспирантуре, о котором он довольно часто вспоминал в ночных кошмарах. Так что на помощь рассчитывать не приходилось. Однако как-то надо было решать проблему с возможным противодействием начальника самой защите, и тут Москалёв здраво рассудил, что времена меняются, и что там впереди...

Посоветовавшись с Леной, которая прошла все круги ада, связанные с аспирантурой и защитой, Москалёв понял, что активного противодействия институт оказать не может, так как сама защита всё равно должна была состояться в его родном вузе, где он чувствовал себя несколько увереннее. Не теряя времени, Москалёв сел за написание «кирпича».

Леночка, между тем, быстро освоилась в стенах нового учреждения. Почувствовав себя увереннее, она не стала особо обременять себя научными изысканиями. Всегда доброжелательная и общительная, она довольно умело пользовалась благосклонностью неравнодушного к ней начальника, который добровольно и с радостью взял на себя все заботы по доводке выходящих из-под ее пера не столь частых трудов. При этом ей вполне удавалось одновременно крутить ещё пару-тройку романчиков, сохраняя ровные отношения со всем коллективом и раздавать многочисленные авансы. Новые ухажёры не заставляли себя ждать. Москалёву, продолжавшему с ней прогуливаться в обеденный перерыв, как-то призналась:

– Ты ведь понимаешь, я – стерва номер «раз» и прекрасно это знаю, но ничего поделаться с собой не могу. Вот с мужем разругаюсь, виновата – на все сто процентов, но три дня не буду с ним разговаривать, пока он на коленях приползёт ко мне, а я ещё и поломаюсь.

Как это выглядит на практике было продемонстрировано однажды прилюдно, прямо в институте. Скинув очередной труд начальнику и не получив от него должных поправок (очевидно, шефу просто надоело работать впустую), Елена, не стесняясь коллег, демонстративно швырнула девственно чистые страницы на свой стол и отправилась курить в коридор. Примирение наступило очень быстро – в обед шеф покорно сидел рядом со своей подчинённой, что-то вежливо разъясняя ей по существу представленного материала, в то время как отдел дружно собирался на обеденный променад.

Следующим (и, как казалось, заключительным этапом бурно развивавшегося романа) стала организованная профкомом института речная поездка на Волоам. Такие поездки были достаточно редкими, министерство делиться не любило, и поэтому подобный шанс все постарались использовать по максимуму. Поехали и шеф с Леной, оба – без семей. Что произошло на теплоходе – потом рассказывали месяца три, всячески смакуя детали. Если не вдаваться в подробности, картина представляла следующая: в первый же вечер Лена познакомилась в баре с неведомо каким образом оказавшимся на теплоходе швейцарцем, в каюте которого она и провела всё отведённое для водной экскурсии время. На шефа, проведшего тур в унылом созерцании бескрайних российских полей и красот знаменитого острова, было страшно смотреть. Был мрачен, даже немного поседел, однако своих попыток добиться благосклонности подчинённой не оставил. Поэтому, когда через три месяца после неудачного выезда на природу Лена объявила, что ей срочно нужно ехать в командировку в Швейцарию для сбора материалов по новой теме, ей было оказано всяческое содействие. Как ни странно, невозможное свершилось – командировка состоялась, хотя, как все подозревали, в пробивании поездки поучаствовали и более солидные силы. Правда, дальнейших попыток выехать в Альпийскую республику не делалось – видимо, не всё там было просто. Когда же Москалёв с небольшой иронией поинтересовался, как можно организовать подобную командировку, был получен весьма простой и чёткий ответ – «мне предложили». Самое интересное заключалось в том, что ему в дальнейшем пришлось не раз пользоваться этой блистательной формулировкой, обладавшей убойной силой и враз отбивавшей охоту продолжать развивать тему загранпоездок.

Глава 4. Командировка

Между тем в министерстве назревало событие, о котором Москалёв не имел никакого понятия, а тем более о его значении для своего будущего. Практическая деятельность этого учреждения, кроме всего прочего, предполагала координацию работы различного рода межведомственных комиссий, занимавшихся перепиской с другим органами, подготовкой тем для обсуждения с перспективными партнёрами за рубежом, и, в конечном итоге, выезд в командировку и подписание протоколов о сотрудничестве. Мероприятия эти были скорее формальностью, подписываемые бумаги никого ни к чему не обязывали, и если раньше невыполнение приложения к протоколу грозило серьёзными неприятностями, то после начавшихся в стране перемен они стали носить, как стало принято говорить, рамочный характер.

Организацией очередной такой поездки и занимался хорошо знакомый нам Николай Иванович, уже три дня ломавший голову, где бы ему найти экономиста с редким языком, распространённым именно там, где и предстояло провести очередное заседание комиссии. Предстояло не только перевести на этот непонятный язык протокол, но надо было, чтобы ещё и руководитель комиссии, по традиции назначавшийся из высших эшелонов власти, был доволен качеством перевода.

Поделившись с подчинёнными своей головной болью, Клещёв случайно узнал, что в сопутствующем министерстве институте, одно упоминание о котором вызывало у него головную боль, сидит парень, вроде изучавший нечто похожее и занятый теперь бумагомаранием.

Москалёв действительно часто заходил в этот отдел, с сотрудниками которого у него сложились неплохие отношения. Дело было в том, что на каждую работу, направляющуюся институтом в министерство, требовался отзыв. В свою очередь, вечно озадаченным бесконечными срочными заданиями чиновникам было совершенно некогда читать всю эту писанину и уж тем более – готовить отзывы. Так и было быстро достигнуто компромиссное решение – Москалёв пишет заключения на свои работы сам, а «сводники» их подписывают. Вот в один из таких визитов, вдыхая сигарные дымы в курилке, где говорилось многое из того, чего нельзя было услышать в кабинете, Москалёв как-то и обмолвился, что знает редкий восточный язык, который выучил в студенческие годы по своей собственной инициативе. Тогда ему казалось, что в очередной раз ляпнул что-то лишнее, проявив дурацкую инициативу, как и тогда, когда записался на языковой факультатив при университете.

Об этом разговоре и вспомнили чиновники. Через день Москалёв уже стоял перед Клещёвым, который строго допрашивал его, сможет ли тот сделать быстро перевод и, при необходимости, отправиться на три дня в одну из азиатских стран в составе межправительственной комиссии. Перевод показался Москалёву достаточно простым – благо, всё языковое обучение на курсах свелось к чтению газет, изобиловавших политической лексикой. Насчёт устного перевода гарантий он дать не мог – не было практики.

– Ничего, справишься, ты всё знаешь, так что давай, собирайся, – похлопал по плечу Москалёва его новый временный шеф. Отступать было некуда. Документы были оформлены мгновенно, самолёт путём простого телефонного звонка, однажды раздавшегося из очень высокого кабинета, был получен от одного из гремевших на всю страну банкиров, позже благополучно «кинувшего» своих вкладчиков и тем весьма гордившегося. Банкир, немного подумав, решил отдать свой запасной самолёт, заявив, что он прекрасно знает, во что превращают салон госчиновники во время таких поездок.

Через неделю Москалёв рано утром стоял с небольшой сумкой (на этот раз без американского и британского флага) во Внуково-2. Собралась вся делегация, ждали только председателя, а вот его-то и не было. Через пару часов томления в буфете, где он быстро перезнакомился со всеми членами делегации, которые казались вполне свойскими и благожелательно настро-

енными по отношению к новичку людьми, выяснилось, что поездка откладывается до вечера. Оказалось, что где-то в Таджикистане взяли в заложницы сотрудницу руководителя делегации, которому и было поручено заняться её освобождением. Москалёв уже решил, что раз так складываются обстоятельства, то лучше всем разъехаться по домам, поскольку, по всей логике, председателю предстояло лететь несколько в ином направлении, хотя и в азиатском. Однако выяснилось, что уезжать из аэропорта никуда нельзя, освобождение происходит путём переговоров по телефону, и как только оно состоится, все тут же вылетят в нужном направлении. Около шести вечера, когда делегация совершенно ополоумела от бесконечного сидения в кафетерии аэропорта, в зал вышел пилот и заявил, что полёт состояться не может, так в тех пределах, куда предстояло направиться, отсутствует ночное сопровождение наземных диспетчерских служб, что делает перелёт невозможным. Радостно схватившийся за свою сумку Москалёв был опять остановлен – решали, что делать. Вариантов оказалось множество: позвонить председателю, не позвонить председателю, дождаться его звонка, как ответить, если позвонит сам, что он может спросить и так далее. Рассуждали около часа. Страшно болела голова, под ложечкой сосало. Москалёву казалось, что он попал в лабиринт, из которого не было выхода, и что аэродромное поле станет последним увиденным им предсмертным пейзажем.

К счастью, кто-то, не дожидаясь достижения консенсуса, додумался позвонить сам председателю, от которого и получил приглашение всем приехать в дом правительства.

Ехать по вечерней весенней Москве было одно удовольствие. Встретили их доброжелательно, напоили чаем, потом всех развезли по домам. Поездка откладывалась на неделю. Оказывается, председатель комиссии просто забыл об ожидавших его в аэропорту. К счастью, за делегацию «вступилась» супруга, которую он тоже решил взять в поездку, что и помогло прервать затянувшееся сидение.

Уже на следующий день состоялось и освобождение заложницы – устав от бесконечных и бесплодных переговоров, боевики просто решили отпустить её, что и было сделано поздно вечером следующего дня. Как выяснилось позже из интервью «освобождённой», ей пришлось пройти по горной дороге несколько километров, пока не наткнулась на пост стоявшей в горах российской военной бригады.

Через неделю всё повторилось, правда, на сей раз – в облегчённом варианте. Едва делегация прибыла в аэропорт, как всем было сообщено, что вылет переносится ещё на неделю из-за неожиданно возникших у правящей в далеком краю азиатской семьи проблем. Председателя в аэропорту опять не было, из чего Москалёв сделал вывод, что информация в доме правительства всё же поставлена лучше.

В третий раз все приехали во Внуково-2 налегке, уже вовсю текли ручьи, весна понемногу вступала в свои права. Поездку никто больше всерьёз не рассматривал, для Москалёва это стало чем-то вроде обязательной воскресной прогулки в аэропорт, не очень обременительной, благо жил он по пути в пресловутое Внуково-2.

Как ни странно, на сей раз всё сложилось, как и планировалось три недели назад. Единственным неудобством, не очень обременительным, оказалась незапланированная остановка в Сочи, где самолёт посадили на три часа по просьбе председателя – здесь жила его мать. И пока родственники встречались, члены делегации бродили по аэродрому, наслаждаясь немосковским теплом и первыми запахами наступавшего лета.

Встреча в аэропорту на берегу Персидского залива прошла великолепно – весь заграничный парад выстроился на лётном поле в элегантном ожидании, багаж никто не проверял, посол крутился перед председателем, вереница белых «Мерсов» даже не заглушила моторы. Москалёв оказался в одной машине с мидовцем, немедленно надувшимся, как воздушный шар. Оставалось заняться созерцанием пронесившихся за окном пейзажей.

Сразу после расселения в пятизвездочной гостинице Клещёв предложил всем встретиться в его номере и обсудить программу действий. Предварительно стало известно, что

утреннего заседания не состоится, протокол был готов и уже переведён, поэтому решили поехать смотреть город. Однако утро ожиданий не оправдало. Очевидно, Иван Николаевич получил какие-то инструкции и решил ещё раз пересмотреть уже готовый текст. На вполне логичные возражения, что все документы уже переведены и переданы партнёрам, никак не реагировал, внося коррективы в уже не раз отработанный материал и вступая в яростные споры по каждой формулировке. К полудню протокол был переделан, все отправились в ресторан, поразивший Москалёва изобилием блюд. Ещё никто не знал, что большую часть времени они проведут именно здесь, на гостиничной эспланаде.

Бесполезность проделанной утром работы подтвердилась уже во время пленарного заседания. Руководитель делегации начал зачитывать приветственную речь, потом резко прервался и передал сложенные веером листы хозяевам встречи, восседавшим напротив. Все переглянулись. Затем последовало предложение Клещёва вновь рассмотреть и скорректировать протокол, но тут гостеприимные азиаты вежливо и твёрдо заявили, что протокол уже согласован и может быть подписан только в таком виде, либо вообще ни в каком. На этом всё закончилось – председатель на оставшиеся два дня куда-то исчез, появившись только к отлету самолёту. Остальные провели комплексную проверку гостиничных ресторанов, каждый из которых представлял национальную кухню определённой страны. Вся сложность состояла в их количестве: ресторанов было десять, а визит был рассчитан только на три дня. После простых арифметических действий стало ясно, что даже при сильном напряжении желудков одной из точек гостиничного общепита придётся пожертвовать. Единственное – надо было сделать правильный выбор. Выбирать пришлось в последний вечер. На кону стоял французский «Медитэрранезн» и мексиканский «Панчо». Выбрали второй. Каково же было разочарование, когда звучные «Эмпанадас» и «Лос Компаньерос» оказались простыми лепёшками с мясом, «Корден Попо» – котлетами куриными, а «Алитас де Пойо» – крылышками той же домашней птицы. Сгладило разочарование мороженое, запеченное в тесто, причём тесто оставалось горячим, резко контрастируя с замороженной начинкой.

В Москву Михаил приехал коричневым, здорово обгорел. В метро мартовские москвичи шарахались от странного чернокожего с русским лицом.

Институт встретил неприветливо. Все стали понемногу игнорировать своего коллегу. Выражалось это в разных формах – например, можно прервать реплику и начать обсуждение другой темы, или встать спиной, загородив от всех, кто находится рядом. Москалёва эти мелкие выпады никак не трогали. Все силы и время были посвящены диссертации. Но и в мире науки всё оказалось довольно зыбким.

Поскольку писать надо было на экономическую тему, консультироваться приходилось с неким Марком Абрамовичем, считавшимся на кафедре светилом местного значения, непревзойдённым и авторитетным специалистом. Мнение Марка Абрамовича обсуждению не подлежало, срока давности не имело.

Начиналось всё мирно. Благожелательный Марк Абрамович, научный маг и чародей, пояснил Москалёву, как лучше построить работу, что и было исполнено. Написав первую главу, Москалёв поделился своими планами относительно последующего текста и предполагаемых выводов. Всё получило одобрение. Однако, взяв после первого прочтения свою работу и раскрыв её, Москалёв был немало удивлён сделанными на полях замечаниями. Кое-где были вписаны комментарии типа «НУ И НУ», либо восклицательные знаки, непонятно что означавшие, а в критических местах, являвших миру то, что называется научной новизной, стоял вопрос-предложение: сделать аналогичные расчёты по соседней с описываемой страной. Все попытки Москалёва разъяснить, что он не в состоянии внести исправления, ориентируясь на подобные замечания, были встречены с непониманием. Новые расчёты, как оказалось, были необходимы для проведения сравнительного анализа.

– Будем двигаться методом проб и ошибок, – подвёл черту Марк Абрамович, и порекомендовав проштудировать гору источников, только из которых и можно было извлечь код для расшифровки сделанных пометок, исчез, на этот раз надолго. Все попытки дозвониться для передачи работы на новое прочтение резко пресекались. Марк Абрамович упорно не подходил к телефону, ставя Москалёва в тупик неординарностью выдвигаемых домочадцами предложений.

Шло время, ситуация принимала непредвиденный оборот. Надо было срочно выяснять причины затягивавшегося ожидания. Объяснилось всё просто – Марк Абрамович, написавший работу по избранной Мишкой стране ещё лет тридцать тому назад, полагал, что большего здесь сказать никто не может и не должен, а потому избранная Москалёвым тема стала для него «чёрной меткой». Кроме того, у Марка Абрамовича появилась молодая аспирантка, которой неженатый учёный отдавал все свои силы и время. Иными словами, происходило то, что называлось «заматыванием работы» – данные устаревали, время шло, а тема теряла свою актуальность. Не исключалось, что кто-то уже писал нечто похожее, и тогда всё пришлось бы начинать сначала. Выхода, казалось, не было.

Глава 5. Новые времена

Тем временем, в институте стали появляться новые сотрудники, вызывавшие у старожилів неподдельный, почти антропологический интерес. Самым удивительным была их невероятное невежество. Так, пошутив однажды в присутствии будущих корифеев науки, насчёт Елдырина, которому в пору набросить на него, Москалёва, шинель, он столкнулся с вопросительными взглядами.

– Ельדיгин? Это кто, из какого отдела, – спросили его, и Москалёв был вынужден пересказать «Хамелеона» Чехова, попутно уточняя, что в рассказе классика фигурировал Елдырин, а Ельдигино было небольшой деревушкой по дороге на озеро, куда Москалёв часто ездил купаться летом.

Ирочка по-прежнему продолжала веселить институтскую публику – новым достижением была сделанная юной экономисткой рассылка очередного опуса с указанием «Нью-Ёрка» в перечне городов-получателей, который она к тому же искренне считала столицей США. На насмешки коллег не реагировала, заявляя, что их выпады – издержки «верхнего образования» и нечего тут больно умничать.

Между тем перестройка и ускорение уже всерьёз будоражали умы патриотов, уставших от нарастающей неразберихи и начинавшей надоедать бездеятельности руководителей. Компенсировать отсутствие прогресса в институте решил сам Наумов. Единственное, что его подвело – это потеря чувства меры, и даже скорее – чиновничьего нюха. А может, начальник отдела просто устал от бесконечных игрищ в разных кабинетах, высоких и не очень, где пытался реализовать однажды задуманное – разогнать половину сотрудников, создав мощное интеллектуальное ядро, способное и готовое заниматься настоящей наукой. Исчерпав все доводы и не видя конца бесконечным компромиссам, Наумов решил пойти «ва-банк», сразу ударив «по верхам». «Верхами» оказался всё тот же ЦК, куда и пошло написанное им письмо о бессмысленности работы института, научной импотенции сотрудников и необходимости срочной и коренной реорганизации института. Не учёл одного – система работала по обкатанной схеме: письмо вернулось обратно в институт, прошло совещание, потом собрание, где непревзойдённые специалисты бюрократических игрищ задали шефу вполне простой вопрос: А что сделал он сам для укрепления научно-кадрового потенциала института? Ответ, конечно же, никого не удовлетворил: кроме приглашения Наумовым на работу своего бывшего коллеги, им же потом и уволенного, практически ничего. Что крылось за этим «практически» – никто так и не понял, но осуждение было единодушным. Шефу ничего не оставалось, как реализовать свою давнюю мечту и переквалифицироваться в... таксисты. Уже через три месяца все судачили о телепрограмме, в которой ещё не так давно потрясавший всех своей велеречивостью учёный рассказывал теперь уже телезрителям о праве на забастовку, о роли закона о трудовых коллективах и своём видении проблем таксопарка. Больше Наумов на телевидении не появлялся и постепенно о нем все забыли.

* * *

В кабинет Клещёва постучали.

– Да, что ещё? – отрываться от новой публикации в «Иностранной литературе» очень не хотелось. Журнал дали всего на два дня, вся Москва только и говорила об очередном литературном шедевре зарубежного дива. На столе росла гора бумаг, просмотреть которые не было времени. Всё откладывалось.

В кабинет боком просочился страновик из сводного сектора.

– Понимаете, Иван Сергеевич, тут такое дело, не знаю, как и быть. Пришёл обзор из страны, которой я занимаюсь, всего на 14 страницах. Половина разделов не прописана вовсе, таблицы тоже отсутствуют, в общем – полная халтура.

Да чего же некстати пошли эти обзоры, подумал Клещёв. То хоть волком вой, то ни вздохнуть ни... Замечание вернуло Клещёва в мир министерских реалий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.